

IV. Отношение „Повести о Савве Грудцыне“ к старорусской литературной традиции

Правильное решение вопроса о тяготении «Повести о Савве Грудцыне» к литературным памятникам восточновизантийского происхождения было намечено еще первыми ее исследователями. Так, Н. Костомаров и А. Галахов отмечали близость «Повести о Савве Грудцыне» к сказанию о Протерии, а Н. Тихошравов — к легенде о Феофиле экономе. Но первых исследователей «Повести о Савве Грудцыне» интересовал больше вопрос об ее источниках, чем вопрос о связи ее с произведениями определенного стиля и жанра. Только А. Н. Веселовский со свойственной ему широтой взгляда на генезис литературных произведений, отметив ряд параллелей к «Повести о Савве Грудцыне», не настаивал на определенном источнике ее. Детальное сопоставление «Повести о Савве Грудцыне» с древнейшими известными на Руси демонологическими сказаниями — сказаниями о Протерии и Феофиле — убеждает нас в том, что, действительно, нет оснований говорить в данном случае о непосредственном литературном заимствовании. Процесс образования «Повести о Савве Грудцыне» значительно сложнее.

Сопоставление демонологической части сюжета «Повести о Савве Грудцыне» со сказаниями о Протерии и Феофиле приводит нас к следующим конкретным наблюдениям:

Повесть о Савве Грудцыне	Сказание о Протерии	Сказание о Феофиле
1. Савва дает рукописание бесу перед посещением князя тьмы.	Протерий и Феофил делают это во время самого посещения.	
2. Описание царства дьявола дано сходно во всех трех произведениях; причем одинаково же и отношение дьявола к обращающемуся к нему за помощью человеку — это отношение явного недоверия.		
Описано оно более сходно в «Повести о Савве Грудцыне» и в «Сказании о Протерии».		
3. Как бес всегда так Феофила часто посредник между ним и		проводит Савву, посещает волхв, дьяволом.